

«БЛАГИМИ НАМЕРЕНИЯМИ ВЫМОЩЕНА ДОРОГА В АД»: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЮРЬМЫ НЬЮ-ЙОРКА

С. А. Васильева

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань)

Поступила в редакцию 12 февраля 2016 г.

Аннотация: в статье рассматриваются малоизвестные факты из истории основания и организации работы первой исправительной тюрьмы Нью-Йорка – Ньюгейт – в 1797–1820-х гг. Автор анализирует гуманистические проекты идейного организатора и первого директора пенитенциария «Ньюгейт» филантропа Томаса Эдди и приходит к выводу, что на практике идеалистическая модель исправительной тюрьмы оказалась весьма далекой от ее реального воплощения.

Ключевые слова: американская пенитенциарная реформа, Томас Эдди, исправительная тюрьма «Ньюгейт».

Abstract: the article discusses little-known facts from the history of the foundation and organization of the first correctional prison of New-York – Newgate in 1797–1820. The author analyzes the humanistic projects of ideological organizer and the first Director of Newgate philanthropist Thomas Eddy and comes to the conclusion that in practice the idealistic model of penal prison was very far from its realization.

Key words: American prison reform, Thomas Eddy, Newgate correctional facility.

Известнейший историко-политический трактат «Демократия в Америке» французского политического деятеля Алексиса де Токвиля профессор Гарварда Х. К. Мэнсфилд назвал «сразу лучшей когда-либо написанной книгой о демократии и лучшей книгой об Америке» [1]. Глубокий анализ американской политической жизни, представленный Токвилем, стал результатом его заокеанского путешествия в 1831 г. Представляется весьма интересным тот факт, что официальным поводом к поездке стало прошение чиновников А. де Токвиля и его друга Гюстава де Бомона к правительству Франции об отпуске с целью посетить Соединенные Штаты и изучить управление тюрьмами. Слава об успехах в области реформирования пенитенциарных учреждений, достигнутых в различных североамериканских штатах в начале XIX в., долетела до европейского континента, и министр юстиции Франции одобрил эту поездку. Результат годичного пребывания А. де Токвиля и Г. де Бомона – бестселлер «Демократия в Америке» – переведен на множество языков, включая все европейские. Однако слово «тюрьма» в двух томах встречается не более 10 раз, анализу пенитенциарных порядков в США посвящен лишь один абзац следующего содержания:

Несколько лет тому назад группа религиозных деятелей занялась улучшением состояния тюрем. Их речи взволновали людей, и перевоспитание преступников стало общенародным делом. Появились новые

тюрьмы. Впервые в отношении к людям, преступившим закон, наряду с идеей возмездия появилась идея исправления. Однако эта счастливая перемена, столь горячо поддержанная широкими массами и ставшая благодаря их усилиям необратимой, не могла свершиться в короткое время. По воле большинства стало появляться все больше новых тюрем, но существовали еще и старые, в которых содержалось много преступников. В то время как в первых условия жизни заключенных постоянно улучшались, а возможности исправления увеличивались, вторые становились все более губительными для тела и духа. Объяснить это несложно: большинство, занятое мыслью о создании новых тюрем, забыло о тех, которые уже существовали. Поскольку ими перестало интересоваться большинство, они вообще лишились чьего-либо внимания. Это привело к ослаблению надзора. Благотворная для подобных учреждений дисциплина сначала ослабла, а затем и вовсе разрушилась. В результате наряду с тюрьмами, на которых ярко отражались мягкость и просвещенность нашего времени, можно было встретить каменный мешок, напоминавший о средневековом варварстве [2, с. 196].

Цель данной статьи – представить вниманию читателя практически не освещенную в отечественной научной литературе историю становления первой государственной тюрьмы в штате Нью-Йорк – Ньюгейт. Если рассматривать Ньюгейт в период пребывания в Америке А. де Токвиля, то в его представлении эту тюрьму можно отнести ко второй категории, «губительной для духа и тела». К тому времени всемирную известность и нарицательное наклонение приобрела вторая государственная тюрь-

ма Нью-Йорка – Оборн, имя которой носит прогрессивная система тюремного содержания – оборнская. В 1830-х гг. Ньюгейт называли «старой тюрьмой», которая пользовалась дурной славой: рассчитанная не более чем на 400 человек, она вмещала в среднем до 700, ежедневно выпуская около 50 человек до окончания срока приговора, но не вследствие «исправления», а ввиду того, что на их места прибывало все большее количество «дерзких негодяев». История создания этой тюрьмы может быть емко представлена крылатой фразой – «благими намерениями вымощена дорога в ад», когда самые гуманные замыслы оборачиваются результатом с отрицательными последствиями.

После окончания войны за независимость 1775–1783 гг. Соединенные Штаты Америки столкнулись с необходимостью построения новой государственности. Одной из областей кардинального реформирования стала система правосудия и исполнения уголовных наказаний, а одним из главных центров пенитенциарного реформаторского движения – штат Нью-Йорк. Система уголовного правосудия новообразованного штата функционировала на основе британских «кровавых кодексов» XVIII в.: традиционный вид наказания – смертная казнь – применялась значительно чаще, чем другие карательные меры. Следующими по распространенности были «позорящие» наказания: столб, публичная порка, клеймение. Тюрьма использовалась как место досудебного содержания, специализированных пенитенциарных учреждений не существовало. В условиях построения нового государства старая система исполнения наказаний, находившаяся в глубоком кризисе, уже не справлялась с нарастающим количеством «клиентов», с одной стороны, и не соответствовала провозглашенным демократическим идеалам – с другой.

Комиссию по подготовке пенитенциарной реформы в штате Нью-Йорк и проектированию пенитенциария нового типа возглавил Томас Эдди – квакер по вероисповеданию, предприниматель и филантроп по роду деятельности. Религиозные взгляды Т. Эдди оказали значительное влияние на его проект тюремных преобразований. В соответствии с теологией и этикой квакеров даже самый закоренелый преступник, как бы глубоко он ни погряз в грехах и преступлениях, имел шанс покаяться и получить искупление. Возглавив общественное движение за пенитенциарную реформу, лидеры квакерского движения своей главной миссией мыслили создание таких условий тюремного заключения, при которых это раскаяние могло быть достигнуто и преступник вступал на путь глубоких нравственных перемен. Впоследствии, оценивая роль религии в пенитенциарной реформе Соединенных Штатов, Г. де Бомон напишет: «В Аме-

рике успех пенитенциарной системы был, по сути, триумфом религии. Реформаторы, действующие изначально под влиянием исключительно религиозных чувств, задумали и выполнили все, что было предпринято... Именно ей [религии] одной принадлежит успех идущей реформы» [3, р. 121].

В 1796 г. Т. Эдди представил сенаторам Нью-Йорка пакет законопроектов, установивший новые стандарты пенитенциарного содержания в штате. Проект отменял смертную казнь за все преступления, кроме убийства и государственной измены, также упразднялся ряд телесных и позорящих наказаний, а тюремное заключение становилось основным видом уголовного наказания [4, р. 10]. После законодательного утверждения новых принципов и стандартов тюремного заключения Т. Эдди был назначен ответственным за разработку проекта и строительство первой государственной тюрьмы в Нью-Йорке в деревушке Гринвич Виллидж. Чертежи первой государственной тюрьмы Нью-Йорка спроектировал американский архитектор французского происхождения Ж. Ф. Манжин на основе первых американских прогрессивных пенитенциариев в Пенсильвании. Американские исследователи называют модель пенитенциарного учреждения, задуманного Т. Эдди, «enclosed garden» (в пер. с англ. – закрытый сад), где на изолированной от «губительного воздействия определенной социальной среды» территории предполагалось создать все условия для нравственного перерождения личности [5, р. 28]. По замечанию американской исследовательницы Г. Финней, этот сад предполагал некую идеализированную альтернативу социальной реальности: «высадив целый клубок криминальных элементов» в нью-йоркском «Эдеме», Т. Эдди «надеялся собрать урожай в виде благонравного поведения и дисциплины» [6, р. 21–22].

Тюрьма, построенная по проекту Эдди в 1797 г., получила название «Ньюгейт» (в пер. с англ. – новые ворота) и, по замыслу реформатора, должна была стать символическим началом пути в новый мир. План новой тюрьмы представлял собой закрытое прямоугольное пространство, фронтальная часть которого располагалась по берегу р. Гудзон (на плане помечена как тюремная пристань). Комплекс тюремных помещений образовывал замкнутую композицию: параллельно пристани размещались мастерские: сапожная, ткацкая, для работ по камню и мрамору; основные тюремные корпуса, расположенные по трем остальным сторонам прямоугольника, содержали просторные камеры, в каждую из которых помещалось по 8 человек. В конце каждого крыла были предусмотрены карцеры одиночного заключения для содержания «особо закоснелых в преступлении». В северном крыле Ньюгейта находилось большое

помещение для проведения совместных воскресных богослужений. В соответствии с первоначальным планом здание пенитенциария было рассчитано на прием 336 заключенных одновременно. На закрытой территории, огороженной стеной высотой в 23 фута (более 7 м), располагались хозяйственные постройки, лесопилка и собственный огород. Прогулочный дворик для женщин-заключенных был обособлен и имел отдельный вход со стороны молельной комнаты (рисунки).

Изучение наследия Томаса Эдди [7] позволяет оценить масштаб и дальновидность его гуманистического проекта, но в то же время нельзя не отметить утопичность этих взглядов. Прообразом внутреннего устройства пенитенциария мыслилась религиозная община с ее традициями совместного труда, богослужения и взаимопомощи. В подобных общинах духовным пасторам-лидерам всегда уделялось особое внимание и почтение, их духовный авторитет был непререкаем, а забота о членах общины не заканчивалась с уходом «детей» из-под опеки. Будучи глубоко убежденным в том, что тюремный надзиратель – это прежде всего духовный наставник, Эдди выдвигал к тюремным служащим высокие нравственные требования. В своих поисках подходящих кандидатур будущий директор Ньюгейта стремился нанимать «солидных господ, убежденных приверженцев какой-либо религиозной конфессии..., разделяющих идею исправительной реформы» [Ibid., p. 21, 28].

Томас Эдди разделял мнение первых европейских пенитенциаристов XVIII в., таких как Ч. Беккариа, И. Бентам, Дж. Говард, о существовании тесной взаимосвязи между условиями социальной среды и преступным поведением. Он призывал «отцов города» к закрытию публичных домов и питейных заведений, предлагал сократить количество магазинов, продающих ром и грог. По подсчетам реформатора, Нью-Йорк предлагал своим жителям более двенадцати сотен таверн, несколько десятков публичных и игорных домов, что негативно сказывалось на социальном портрете города и штата. В связи с этим неизменным условием системы «исправительного наказания» должна была стать полная изоляция коллектива пенитенциария от внешнего мира. В тишине «закрытого сада» мудрый духовный наставник поможет правильно осмыслить пороки пьянства и лени, корысти, праздности и невежества. Совместные встречи нравственно-религиозного характера, занятия, на которых арестанты получали бы основы знаний и ремесел, коллективные богослужения – все было подчинено главной цели – нравственному исправлению и подготовке к честной жизни. Проектируя внутреннее устройство исправительной тюрьмы, реформатор мечтал о том, как в течение нескольких

десятков лет Ньюгейт «будет возвращать в общество нравственно оздоровленных граждан», которых уже не совершит на повторный путь преступления. Конечным итогом станет сокращение преступности в штате и укрепление социальной стабильности.

В ноябре 1797 г. первые осужденные прибыли в Ньюгейт. Т. Эдди пребывал на должности директора первой государственной тюрьмы сравнительно короткий срок – в 1801 г., вскоре после смены политической власти в стране, он был вынужден покинуть свой пост. Но даже те три года, которые он возглавлял Ньюгейт, показали, насколько идеальная модель «тюремного сада» далека от ее реального воплощения. Первым камнем преткновения стал срыв главного замысла творца Ньюгейта – достижения полной изоляции его «сада» от внешнего мира. К моменту запуска Ньюгейта в 1797 г. строительные и отделочные работы были еще не закончены: наружная стена, часть мастерских и технических помещений были только в стадии фундамента. В первое пятилетие Ньюгейт буквально сотрясали побег и попытки к мятежу, внешняя и внутренняя охрана не справлялась с заранее спланированными акциями неповиновения. Так, например, после ухода Томаса Эдди с поста директора в 1801 г. в жизни пенитенциария на какое-то время водворился хаос: заключенные подожгли мастерскую, работы были приостановлены. Арестанты практиковали всевозможные акции протеста: от голодовки до саботажа работ. В апреле 1803 г. двадцать арестантов совершили массовый побег, в то время как оставшиеся в тюремных стенах совершили поджог здания и нападение на охрану. В ходе подавления бунта четверо арестантов были убиты.

Вторым ударом по замыслам Т. Эдди стало численное перенаселение первой государственной тюрьмы. В 1806 г. Ньюгейт принял на треть больше заключенных, чем запланированные 336 мест. С каждым годом количество арестантов увеличивалось: в 1810 г. тюрьма приняла уже 600 заключенных, т. е. почти вдвое больше проектного количества. В условиях постоянного увеличения тюремного населения вопрос о реализации проекта исправительного заключения и реабилитационных программах даже не стоял! Совместное пребывание арестантов в ночной период в камерах общего содержания превращало их в те самые «академии преступлений», против которых была в целом и настроена пенитенциарная реформа. Надзиратели не могли контролировать общение между сокамерниками в темное время суток: результатом сговора часто становился демонстративный отказ от работы, что отрицательно влияло на общую дисциплину. Возможность общения между арестантами периодически приводила к попыткам организованных нарушений режима.

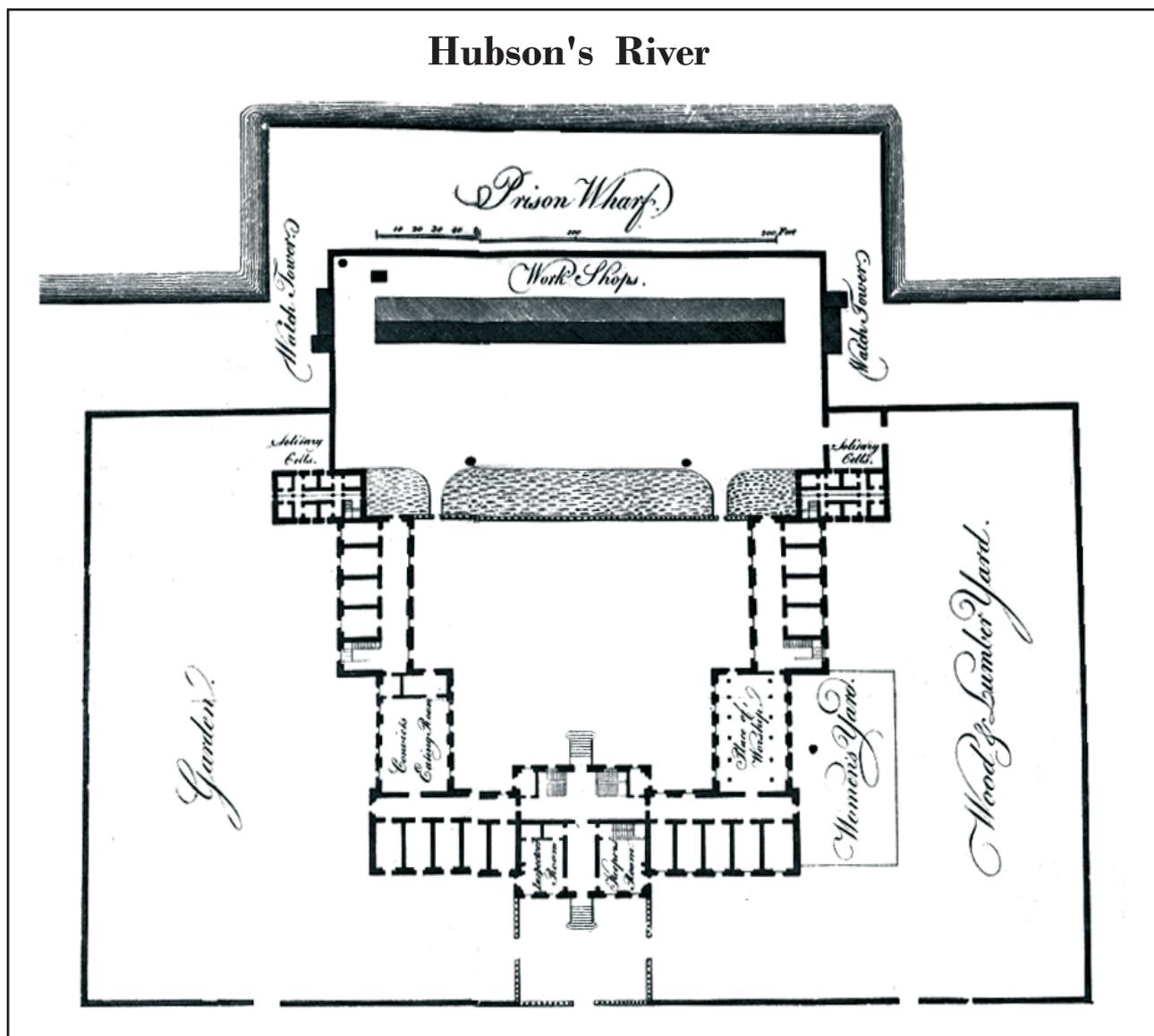

Рисунок. План тюрьмы «Ньюгейт»

Переполненность Ньюгейта, в свою очередь, порождала новые проблемы – заключенные создавали внутритюремные группировки, разделяясь по принципу: черные и белые, католики и протестанты, местные и иммигранты, члены всевозможных банд, соперничавших между собой в городе и штате. Та социальная среда «городского дна», которая, по замыслу Эдди, должна была быть полностью нейтрализована в пенитенциарном учреждении, в концентрированном виде была воспроизведена на сравнительно небольшой площади Ньюгейта. Заключенные «кучковались» внутри тюремных камер по криминальным интересам, привнесенным в тюремную жизнь с городских улиц, или «сколачивали» новые группировки. С проблемой «быстрого распространения зловредного влияния» Т. Эдди столкнулся уже в первые годы своего управления тюрьмой. Борясь

с этими недостатками, он начинает практиковать детальную классификацию осужденных, группируя отъявленных рецидивистов, «закоснелых в преступлении», в отдельном тюремном крыле с усиленным надзором и более строгой дисциплиной. Тюремная администрация, принявшая управление пенитенциарием в конце 1801 г., не воспользовалась этим прогрессивным начинанием, применяя разделение и направление в карцер в качестве наказания уже после состоявшегося нарушения режима и дисциплины.

До 1816 г. карцер оставался самым распространенным видом внутритюремного наказания и крайней мерой воспитательного воздействия на заключенных, оказывающих активное сопротивление режиму и дисциплине. Восемь футов (2,5 м) в длину, шесть футов (менее 2 м) в ширину и четырнадцать футов

(более 4 м) в высоту, с высокими окнами, без какой-либо мебели, с рационом питания, включающим только хлеб и воду, – такое заключение в полном уединении ожидало «особо закоснелых в преступлении», бунтарей и смутьянов. По изначальному проекту Т. Эдди, телесные наказания уничтожались как вид наказания и были абсолютно неприемлемы как мера дисциплинарного взыскания внутри пенитенциария. В 1805 г. новой администрацией Ньюгейта был впервые поднят вопрос о пересмотре тюремного устава в части дисциплинарных мер и предложено возратить телесные наказания как крайнюю меру, применяемую к нарушителям порядка. Однако под влиянием общественности, огласившей заведенный Т. Эдди тюремный порядок свидетельством «лучших завоеваний республики», предложение было отвергнуто.

В стремлении снять остроту дисциплинарного вопроса, с задержкой практически в десятилетие, администрация Ньюгейта переходит к практике разделения арестантов на категории. В 1810 г. была апробирована первая классификация пребывающих в Ньюгейт осужденных: «неопытные преступники» и «злонамеренные», в 1814 г. в отдельную категорию было решено выделять «арестантов отличного поведения» – группа, которая получала возможность рассчитывать на досрочное помилование. Только в 1815 г. было принято решение отделять мальчиков от мужчин и белых женщин от чернокожих [5, р. 52]. Однако практика разделения заключенных на группы лишь частично сняла вопрос дисциплины, к тому же она неизбежно вела к необходимости расширения тюремных помещений, что было в принципе невозможно в условиях недофинансирования пенитенциарных учреждений.

Концептуальные изменения претерпело и идеалистическое предложение Т. Эдди о поддержании тишины во время работы. Квакерские убеждения первого директора и автора устава Ньюгейта представляли тишину как «питательную среду» для обнаружения «сияния внутреннего света», как условие для внутреннего самосозерцания и духовного самоочищения. Обновленный устав пенитенциария после 1816 г. рассматривал тишину как строжайшее условие тюремной дисциплины, а ее нарушение влекло соответствующие карательные меры.

В 1812 г. в пенитенциарное законодательство штата были внесены соответствующие поправки, которые определили векторы новой политики и закрепили новые основополагающие принципы функционирования государственной тюрьмы. Показателями эффективности устройства Ньюгейта признавались дисциплина и самоокупаемость (или рентабельность). Ориентация на рентабельность пенитенциарной системы выражается в измененном характе-

ре отчетов ежегодных инспекций государственной тюрьмы. Если в годы Т. Эдди и становления Ньюгейта приоритетной информацией отчетности была аналитика по программам просвещения и нравственного совершенствования, то с 1812 г. в сводку попадали данные о количестве заключенных, «полная и всеобъемлющая картина хозяйственных сделок в течение предыдущего года» и размеры чистой прибыли. Разделы «Исправление» и «Просвещение» исчезли из обязательной части отчета тюремной инспекции [8, р. 16]. Ежегодные отчеты тюремной администрации за 1812–1817 гг. изобилуют повторяющимися резюме: «финансовые трудности», «регулярный дефицит», «необходимость дальнейшей поставки наличных» и т. п. Члены попечительского совета исправительной тюрьмы выражали обеспокоенность тем фактом, что пенитенциарный эксперимент ежегодно претендует на все большую сумму в статье государственных расходов на систему исполнения наказаний и Ньюгейт так и не выходит на ожидаемое самообеспечение. В сложившихся условиях тюремная администрация пошла по кратчайшему пути сокращения издержек: финансирования в первую очередь лишились те формы жизнедеятельности пенитенциария, которые были приоритетными в начале эксперимента, – просвещение, религиозная практика и досуг арестантов. После того как Т. Эдди оставил свой пост, религиозные встречи и собрания на регулярной основе, а также субботние вечера досуга и просветительские проекты были на время забыты. В 1803–1809 гг. посещения арестантов священнослужителями случались бессистемно, от случая к случаю.

Вторым направлением внутреннего реформирования стала попытка максимально возможного сокращения численности тюремного населения. В ассамблею штата поступали предложения о массовом помиловании осужденных за незначительные преступления. Также тюремная администрация настоятельно просила сократить издержки, связанные с транспортировкой осужденных в Ньюгейт из дальних уголков штата, предлагая оперативное отправление правосудия на местах [5, р. 51]. Так Ньюгейт приобрел «дурную славу» тюрьмы, ежедневно выпускавшей до 50 заключенных, которые провели там крайне мало времени, чтобы испытать на себе воздействие исправительного наказания (получить начальную грамотность, трудовые навыки, опыт бесед религиозно-нравственного содержания, т. е. все, что предполагал изначальный проект Т. Эдди), однако достаточно пробыли в «тюремной семинарии», чтобы начать или продолжить преступную карьеру.

В стремлении продвинуться в сфере налаживания тюремной дисциплины в 1810 г. администрация Ньюгейта ходатайствовала о возобновлении еженедельных воскресных богослужений. В 1812 г. были пере-

смотрены правила посещения тюрьмы: священнослужители, постоянно проживающие в Нью-Йорке, получили возможность регулярно наносить визиты арестантам. На уровне штата был поставлен вопрос о постоянном тюремном капеллане, с определенным размером ежегодного содержания – 250 долларов [Ibid., p. 54]. Первым капелланом Ньюгейта стал преподобный Джон Стэнфорд – представитель баптистской конфессии.

К 1816 г. проблемы Ньюгейта еще больше обострились. Пошатнувшаяся в ходе войны 1812–1815 гг. экономика оставила множество людей без работы, эпидемия желтой лихорадки выкосила ряды квалифицированных рабочих. Армия безработных (в основном ветеранов военных действий) и обнищавших иммигрантов заполонила Нью-Йорк. В условиях острых социальных конфликтов стены государственной тюрьмы «буквально распирало» от увеличивающегося числа заключенных. В отчетном докладе тюремного инспектора перед Законодательным собранием штата Нью-Йорк в октябре 1816 г. была озвучена цифра – 722 человека (более чем вдвое выше проектной нормы). Участились случаи побегов и саботажа, бандитские группировки доставляли постоянное беспокойство городским властям. В этих условиях положительное решение получил вопрос о возобновлении телесных наказаний в тюрьме как меры дисциплинарного воздействия: встревоженная возросшей преступностью общественность уже не так щепетильно отнеслась к реставрации карательной линии в уголовном правосудии, как в 1805 г. К 1819 г. такая поправка была внесена в тюремное законодательство, и надзиратель получил право применять телесные наказания к непокорным и смутьянам – до 39 ударов плетью, сверх того было узаконено содержание заключенных в кандалах [8, p. 33].

Ужесточение санкций на время обеспечило дисциплину в пенитенциарии. Однако протест со стороны заключенных был неизбежен. Историк Р. Макленнан упоминает о серьезных мятежах в Ньюгейте в 1818, 1819, 1821 и 1822 гг., связывая их с реакцией на возобновление телесных наказаний [9, p. 54]. Возврат к системе карательной юстиции вызвал протест среди некоторых представителей общественности. В частности, Т. Эдди выразил свою озабоченность в письмах к коллегам-реформаторам. Он продолжал призывы к модернизации Ньюгейта: предлагал расширение площадей, камер и мастерских, упор на детализированную классификацию заключенных. Практическим путем он приходит к выводу, что его изначальная идея об общем содержании заключенных в ночное время потеряла свой смысл в условиях, когда разделение на категории не представлялось возможным. Хаотичное смешение арестантов, допускаемое в Ньюгейте, «полностью разрушает замысел

исправительного учреждения», – заключает реформатор [10, p. 244].

К общественной дискуссии о методах поддержания тюремной дисциплины присоединились и бывшие заключенные. В 1823 г. освободившийся из Ньюгейта Уильям Коффи опубликовал воспоминания о своем заключении. Более чем на двухстах страницах он развернул критику тюремных порядков, пытаясь показать, что никакого исправления тюрьма не предлагает. В действительности, утверждал У. Коффи, заключение имеет прямо противоположный эффект. Ужасные условия, жестокость надзирателей, переполненные отчаявшимися людьми камеры – идеальные условия для «семинарии порока», где «нет места раскаянию» [11, p. 51]. Многих молодых арестантов, пытался доказать Коффи, привела в тюрьму цепочка «душераздирающих обстоятельств», в том числе бедность, потеря родителей и невоздержанность к алкоголю. Оказавшись там, утверждает Коффи, все хорошее в каждом из них было утрачено навсегда. Каждый еще не раз вернется в Ньюгейт, уже совершив «ужасающие жестокостью преступления». Бессердечность охранников возбуждает мысли о мести, клеймо «бывшего зека» навсегда отчуждает от добропорядочных людей, в конечном итоге, хрупкий баланс на грани добра и зла неизменно заканчивается выбором худшего варианта [Ibid., p. 230–231]. Несмотря на усилия тех, кто заинтересован в тюремной реформе, заключенные свидетельствовали, что тюремное заключение не очеловечивает преступника, но превращает в зверя [Ibid., p. 50].

В 1820-х гг. Т. Эдди признает Ньюгейт «упущенным шансом» и на уровне властей штата начинает лоббировать вопрос о расширении сети исправительных пенитенциарных учреждений. В частности, широкую поддержку общественности получило его предложение создания в Нью-Йорке приюта-убежища для несовершеннолетних преступников и бродяг. Заключение малолетних в обособленном приюте, считал реформатор, позволит достичь цели исправления, которая практически уже «неуловима» в стенах Ньюгейта [10, p. 247]. В 1818 г. на севере штата было построено новое тюремное учреждение, которое получит настоящую мировую славу, – Оборнская нью-йоркская тюрьма. О Ньюгейте же станут говорить как о «старой тюрьме», которая будет ассоциироваться с порядками карательной юстиции колониального периода. Имя Томаса Эдди также окажется затененным деяниями и славой более известных американских политиков и филантропов. Однако древняя мудрость гласит: «Дорога начинается с первого шага». В связи с этим одной из задач, стоящих перед автором данной статьи, было стремление раскрыть перед читателем мало-

известные факты ранней истории американской пенитенциарной реформы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Democracy in America by Alexis de Tocqueville, edited and translated by Harvey C. Mansfield and Delba Winthrop / A. de Tocqueville. – Chicago, 2000.

2. Токвиль А. де. Демократия в Америке : пер. с фр. / А. де Токвиль. – М., 1992.

3. Beaumont Gustave de, and Alexis de Tocqueville. On the Penitentiary System in the United States and Its Application in France / G. de Beaumont, A. de Tocqueville. – Philadelphia, 1833. Reprint : Carbondale, 1964.

4. Lewis W. D. From Newgate to Dannemora : The Rise of the Penitentiary in New York, 1797–1848 / W. D. Lewis. – Ithaca, N. Y., 1965.

5. Graber J. The Furnace of Affliction : Prisons & Religion in Antebellum America / J. Graber. – Chapel-Hill, 2011.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань)

Васильева С. А., кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии и истории

E-mail: vasi-svetlana@yandex.ru

Тел.: 8-920-631-99-68

6. Finney G. Garden Paradigms in 19th Century Fiction / G. Finney // Comparative Literature. – Vol. 36, № 1 (Winter 1984). – P. 20–33.

7. Eddy T. An Account of the State-Prison or Penitentiary House in the City of New-York / T. Eddy. – New York, 1801.

8. Laws of the Legislature of the State of New-York for the Government of the New-York State Prison. – New York, 1819.

9. McLennan R. M. The Crisis of Imprisonment : Protest, Politics, and the Making of the American Penal State, 1776–1941 / R. M. McLennan. – New York, 2008.

10. Knapp S. The Life of Thomas Eddy; Comprising an Extensive Correspondence with Many of the Most Distinguished Philosophers and Philanthropists of This and Other Countries / S. Knapp. – New York, 1834.

11. Coffey W. A. Inside Out; or, An Interior View of the New-York State Prison; Together with Biographical Sketches of the Lives of Several of the Convicts / W. A. Coffey. – New York, 1823.

Academy of Penal Service of Russia

Vasileva S. A., Candidate in Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Philosophy and History Department

E-mail: vasi-svetlana@yandex.ru

Tel.: 8-920-631-99-68